

0 790180

На правах рукописи

КАМОЛОВ АБДУГАФОР АБДУСАМАТОВИЧ

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ТАБИБА ИСФАГАНИ**

**10.01.03 - литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2011

Работа выполнена на кафедре истории таджикской литературы Таджикского национального университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Шарипов Худон**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Ходжамуродов О**

кандидат филологических наук,
доцент **Мухаммадиев Али**

Ведущая организация: Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзаде

15⁰⁰ Защита диссертации состоится «22» сентября 2011 г, в
часов на заседании диссертационного совета Д 737.004.03
по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджик-
ском национальном университете (734025, г. Душанбе, проспект
Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Таджикского национального университета (734025, г. Душанбе,
проспект Рудаки, 17).

Автореферат разослан «10» августа 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000687880

Нагзибекова М.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Ученым-востоковедам, исследовавшим средневековую персидско-таджикскую литературу хорошо известно, что начиная с XVI века, с приходом к власти в Иран династии Сефевидов, персидская литература, как иранская, в определенной степени отделилась от таджикской, и эти обе литературы в дальнейшем развивались в достаточной мере самостоятельно, раздельно друг от друга. Причиной тому явилось установление в Иране исламской веры шиитского толка на уровне официальной государственной идеологии. Невзирая на это, между поэтами Мевераннахра и Ирана существовали творческие связи. Однако с XVIII века в иранской литературе наблюдаются тенденции обращения поэтов к старому стилю X-XIV веков, т.е. воскрешению хорасанского и иракского стилей, тогда как в таджикской литературе все более укрепляется изощренный индийский стиль, который не вызвал интереса со стороны иранских поэтов, особенно в период позднего средневековья. Таким образом, начиная с XVI века иранская литература вошла в новую стадию своего развития. Однако эта литература по причине отсутствия достаточного фактического материала до настоящего времени изучена лишь фрагментарно, а литературный процесс XVIII века, можно сказать, вовсе не изучен.

Крупным представителем иранской литературы XVIII века является Табиб Исфгани. Авторы средневековых антологий, такие как Вола Дагистани, Мухаммад Сабо, Ризакулихан Хидоят и др., сообщают об особой роли Табиба Исфгани при дворах Надир-шаха Афшара (годы правления 1736-1747) и Карим-хана Занда (годы правления 1750-1780). Западные востоковеды Г.Эте, Э.Броун, а также ряд иранских исследователей считают персидскую литературу данного периода, с точки зрения развития литературы, самым бедным и малопродуктивным этапом. Такое положение они связывают с политической и социальной нестабильностью общества. Следует иметь в виду и тот факт, что XVIII век является периодом сужения географических границ персидской литературы из-за того, что от Ирана отделились территории Афганистана и Средней Азии. При такой расстановке литературных сил творческий потенциал тогдашней литературы Ирана выглядит малопривлекательным. Невзирая на это, некоторые современные иранские авторы, такие как Забехулла Сафа, Кайван Саме"и, Исмаил Шахруди, Муджаббо Фарахани, Акбар Бихдарванд и др., обращаясь в своих работах к литературному процессу Ирана данного периода, отмечают в нем роль и значение Табиба Исфгани и подчеркивают необходимость более подробного изучения его жизни и творчества. Однако до сих пор этот вопрос не освещен до конца. Только путем всестороннего научного анализа и с учетом достоверных фактов и данных может быть исследована и выяснена роль и значение Табиба Исфгани в литературном процессе Ирана XVIII века. Изучение наследия Табиба интересно и тем, что он являлся активным членом исфганского «литературного кружка Муштака», созданного поэтом того времени Мир-Сайид Али Муштаком (1688-1758). К сожалению, в отечественном востоковедении, начиная с советского периода и поныне,

творчество Табиба остается вне поля зрения ученых. Настоящая работа является первой попыткой разрешения множества вопросов, касающихся творческой личности Табиба Исфгани и его литературного наследия. Комплексное изучение проблем жизни и творчества Табиба и его литературного окружения способствует восполнению данных об основных особенностях развития литературы в XVIII веке, таким образом расширяя наши знания об истории иранской литературы позднего средневековья и ее художественно-стилистических особенностях, что и определяет актуальность темы данного исследования.

Цель и задачи исследования. Основной целью реферируемой работы является исследование жизни и творческого наследия видного представителя персидской литературы XVIII века Табиба Исфгани, анализ жанровых и художественно-эстетических особенностей его творчества и определение его места в литературе данного периода. Для достижения этой цели в диссертации предприняты попытки решения следующих задач:

- на основе сведений достоверных источников и фундаментальных исследований современных ученых воссоздать политическую и социальную обстановку Ирана в эпоху Табиба Исфгани;
- представить картину литературной жизни в рамках официальной территории Ирана исследуемого периода как этапа возрождения классических традиций таджикско-персидской поэзии и определить основные особенности данного явления;
- с привлечением данных вновь обнаруженного нами родословного древа поэта, сообщений ряда достоверных источников, а также заметок самого Табиба реконструировать его более подробную биографию;
- проанализировать жанровую специфику поэтического наследия Табиба Исфгани и раскрыть идейно-тематические и художественно-стилистические особенности его поэзии.

Источники исследования. В качестве источников работы использованы четыре современных тегеранских издания дивана Табиба Исфгани: одно, изданное под редакцией Хусайна Мазлума Кайфара (1347/1968 г.), другое – с приложениями Исмаила Шахруда (1375/1996 г.), третье – с исправлениями Муджтабо Фарахани (1376/1997 г.) и последнее, самое совершенное, изданное Акбаром Бехдорвандом (1385/2006 г.). К анализу также привлечены два рукописных списка дивана поэта, хранящиеся в книгохранилищах Маджлис-и Шуру-и Исломи (инв.№ 1020) и Тегеранского университета (инв.№ 7216). Наряду с этими источниками в работе использованы средневековые трактаты по истории, филологические сочинения и антологии, полный список которых приведен в конце диссертации.

Новизна исследования. В диссертации впервые в монографическом плане всесторонне исследованы жизненная среда, биография, жанровый состав, идейно-художественные особенности поэтического наследия знаменитого, но вместе с тем весьма малоизученного представителя персидской литературы XVIII века – Табиба Исфгани. В ходе исследования уточнен и скорректирован ряд поныне существующих ошибочных данных касательно жизненного пути Табиба Исфгани и его творчества. Диссертация содержит

новые факты, дополнения, рассуждения, научные анализы и выводы. Предложена новая интерпретация содержательных качеств стихотворений и поэтического мастерства Табиба Исфагани.

Методология исследования основана на комплексном историко-филологическом подходе, описательном, биографическом, филологическом и литературоведческом анализе и сравнительно-историческом принципе изучения явлений литературы. Также учтены современные критерии текстологии и метод системного анализа литературного текста. В своих изысканиях мы опирались на научные достижения и исследовательский опыт, известных востоковедов России, Таджикистана, Ирана и Запада, таких как И.С.Брагинский, Д.Комиссаров, Р.Хадизаде, З.Ахрори, А.Заррин-куб, М.Ш.Кадкани, К.Саме'и, Ян Рипка, Ш.П.Сартер и др.

Научная и практическая значимость диссертации состоит в том, что она проливает свет на неизученные проблемы поэзии Ирана XVIII века, ее традиции и специфические особенности. Благодаря проведенному исследованию в научный оборот вводится относительно полная научная биография и наследие Табиба Исфагани. Результаты исследования и научный материал диссертации могут быть использованы при написании истории послеклассического периода персидской литературы, особенно при рассмотрении ее этапа, связанного с движением возврата (1725-1825 гг.), а также при чтении соответствующего курса лекций и написании учебных пособий для студентов факультетов востоковедения.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Политическая и социальная среда в эпоху жизни Табиба Исфагани: государство Сефевидов, вторжение Махмуда Афганца и падение династии Сефевидов, Надир-Шах Афшар и возрождение Ирана, Карим-Хан Занд и его правление в Ширазе.

2. Литературная жизнь Ирана в XVI-XVIII веках; регрессивная и неплодотворная литература периода правления Сефевидов, её религиозная направленность, эмиграция поэтов в Индию, возникновение так называемого движения возврата в поэзии.

3. Вопросы биографии Табиба Исфагани, его родословная, общественное и социальное положение.

4. Особенности поэзии Табиба Исфагани, жанровые формы, содержание и художественные особенности.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории таджикской литературы Таджикского национального университета (протокол № 15) от 24. 05. 2011 г. По материалам исследования были прочитаны научные доклады и сообщения на традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета (2009-2011). Основные положения диссертации изложены в статьях автора, опубликованных в ведущих научных периодических изданиях, в том числе 3 статьи в журналах, включенных в Перечень ВАК России.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение. Во введении обоснованы актуальность темы, рассмотрены степень ее изученности, определены цели и задачи, научная новизна работы, указаны теоретические и методологические основы исследования, научная и практическая значимость.

Глава первая – «Политическое, социальное и литературное положение Ирана в эпоху Табиба Исфагани» – состоит из трех разделов.

Первый раздел «Политическая и социальная обстановка эпохи Табиба» делится на пять подразделов.

В первом подразделе, озаглавленном «Сефевиды: возникновение и развитие их государства», рассматривается общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Иране XVI веке. Необходимость рассмотрения эпохи прихода к власти Сефевидов аргументируется тем, что предки Табиба Исфагани, происходившие из аристократического сословия общества и почти все были связаны с врачеванием, начиная с этого момента приблизилась к дворам правителей Ирана. Все они, поочередно, на протяжении четырех веков наследовали друг от друга должность личного врача государей. Основоположником государства Сефевидов в Иране был Шах Исмаил. Он являлся седьмым внуком Шейха Сефиаддина Ардабили и после ожесточенных междоусобных раздоров в 1502 году стал верховным правителем Ирана, провозгласив шиитский толк ислама государственной религией. Следует отметить, что одновременно с указанными событиями в Иране в Мавераннахре к власти пришли Шейбаниды, придерживавшиеся суннитской ветви ислама. На протяжении длительного времени между Шейбанидами и Сефевидами велись ожесточенные войны, в результате которых с обеих сторон страдало мирное население. К тому же с этого времени Иран и Мавераннахр разделились навсегда и никогда больше не объединялись в единое государство. Хотя Сефевиды благодаря своим усилиям в ту пору превратили такую раздробленную страну, как Иран, в сравнительно мощное государство им это удалось сделать ценой беспредельной жестокости и кровопролитий. Сефевиды в первую очередь стремились расширить свои территории, и они добились того, что Иранское государство постепенно упрочилось. Так, например, во время правления Шаха Аббаса Первого (1588-1629) территория Ирана, по сравнению с исламским периодом своего существования, настолько расширилась, что даже доходила до бывших границ Сасанидской Империи. Сефевидские шахи объявляли себя наместниками Бога на земле и обзывали своих подданных беспрекословно подчиняться им. В связи с этим в диссертации приводятся сообщения европейских историков и дипломатов, непосредственно наблюдавших политическую жизнь того времени. Такое положение часто приводило к моральному разложению, неустойчивости и ослаблению центральной власти. Подобное явление особо заметно наблюдается со времени правления Шейха Сулеймана (1666-1694). Он был одним из бездарных и жестоких правителей династии Сефевидов, к тому же страдал алкоголизмом. Даже на обычных дворцовых мероприятиях ради забавы мог казнить ни в чем неповинных людей.

Все исследователи времени правления Сефевидов подчеркивают, что все представления династии злоупотребляли вином и отстранялись от дел.

Во втором подразделе «Султан-Хусайн Сефевид и разрушение его власти» дается описание политического положения времени правления Султан-Хусайна, сына Шаха Сулеймана. Он являлся последним правителем династии Сефевидов, легко сдался внутреннему неприятелю Махмуду Афганцу и тем самым положил конец правлению Сефевидов в Иране. Однако именно во время правления Султан-Хусайна родился поэт Табиб Исфагани. В исторических хрониках сообщается, что Султан-Хусайн был слабохарактерным, малодушным, суеверным и жестоким шахом, злоупотреблявшим вином. Вследствие его некомпетентности народ бедствовал. Земледелие пришло в упадок. Крестьяне не в состоянии были платить тяжелые налоги, из-за чего разорялись и прибегали к бегству [2,14]. Подобное описание хаоса и безысходного положения населения можно найти во многих исторических и литературных сочинениях данной эпохи. Пользуясь внутренней неурядицей в Иране, русский император Петр Великий, а также османские турки готовились к нападению на страну. Однако усилившиеся внутренние междоусобицы были гораздо опаснее. В восточной части Ирана Кандагар под предводительством Махмуда Афганца (из племени Галазай) практически отделился от центральной власти Ирана. Сепаратистские движения начались и в других провинциях государства Сефевидов.

Третий подраздел, носящий название «Вторжение Махмуда Афганца в Исфаган и свержение государства Сефевидов», посвящен описанию набега Мир Махмуда Афганца в тогдашнюю столицу Ирана. Недовольный народ из-за губительной политики Султан-Хусайна перешел на стороны восставшего Махмуда и последний из Сефевидов без всякого сопротивления весьма позорно отрекся от власти. Пользуясь удобным случаем, Османская Турция и царская Россия напали на западные и северо-западные регионы Ирана и, одержав победу, разделили их между собой. В июне 1724 г. они заключили соглашение о том, чтобы впредь Иран никогда не претендовал на захваченные ими территории [3,270-275]. По данным исторических источников, грабительское нашествие Махмуда Афганца на Иран привело к большим трагическим последствиям. Были опустошены города и села. Особенно сильному разрушению подвергся Исфаган. Потеряв былое величие и мощь, этот город больше никогда не становился столицей Ирана. По приказу Махмуда были казнены более трехсот высокопоставленных госчиновников Сефевидов и двести членов их семей. В том числе был казнен и отец Табиба Исфагани как личный врач Султан-Хусайна. В то время будущему поэту было 9 лет, и он чудом остался в живых. Как ни старался Махмуд Афганец, ему не удалось спокойно править всей страной. Он смог контролировать только Исфаган и близлежащие районы. В остальных же провинциях Ирана политическая и социальная обстановка оставалась сложной и неспокойной. В конечном итоге из-за этих раздоров страдал трудовой народ.

Четвертый подраздел называется «Надир-Шах Афшар и возрождение Ирана». В нем рассматривается политическая обстановка после прихода к

власти Надир-Шаха Афшара, его борьба за суверенитет страны и расширение ее территории. После многолетней борьбы Надир-Шаха удалось полностью освободить Иран от рук афганских грабителей и в 1736 г. провозгласить себя правителем владыкой Ирана. Он объявил Мешхед столицей страны. Все историки едины во мнении, что он был выходцем из простого рода кочевого туркменского племени Афшар [10,52]. Многие авторы считают Надир-Шаха последним иранским покорителем новых земель. В самом деле, он восстановил былую славу Ирана, не только освободил все завоеванные афганцами, русскими и турками территории Ирана, но даже расширил их до Ирака, Индии, Мавераннахра и за Персидский Залив. Благодаря многочисленным победоносным завоеваниям несметные богатства стекались в казну государства, и Иран по своему военному и экономическому потенциалу превратился в одно из мощных государств Азии. Это определение в диссертации обосновывается с привлечением обильного фактического материала.

Итак, Надир-Шах в 1740 г. без всякого боя покорил Мавареннахр, а его правителя Абулфайз-Хана превратил в вассалы. В 1742 г. он завоевал Кавказ [8,260]. Внутри страны он добился общественно-политического единства, спокойствия и стабильности. Сам придерживаясь суннизма, Надир-Шах стремился сглаживать существующие противоречия и конфликты между шиитами и суннитами. Он предложил суннитскому миру в числе четырех ветвей суннизма (ханафи, шафе'и, малики и ханбали) официально признать и шиизм как пятое его направление. В этой связи примечательно то, что В.Минорским обнаружено письмо Надир-Шаха стамбульскому шейхулисламу, написанное рукой Табиба Исфгани, о поисках путей сближения и единения шиизма и суннизма [4,118]. Более того, он приказал перевести на фарси Библию, Евангелие и ознакомился с переводом Авесты. Хотя он не был ученым, однако даже беглое знакомство со всеми священными книгами привело его к заключению, что Бог един и все религии тоже должны быть едиными [4,121]. В диссертации обосновывается утопический характер позиции Надир-Шаха по данному вопросу.

Далее в диссертации речь идет о покушении на Надир-Шаха, совершенное одним афганцем (15 мая 1741 г.) якобы, по подозрению шаха и его приближенных, организованном его сыном Ризакули-Мирзо. В результате такого обвинения и по приказу шаха Ризакули-Мирза был ослеплен. По истечении времени шах раскаялся в содеянном, постепенно стал терять разум, проявляя жестокость и злобу. По свидетельству очевидцев, его суждения были лишены смысла, он подозревал всех своих военачальников в заговорах и покушении на него. Его отношения с окружающими все больше становились напряженными. Наконец, 19 июня 1747 г. несколько военачальников из страха за свою жизнь ворвались в спальню Надир-Шаха и убили его. Таким образом завершилась жизнь величайшего иранского правителя и знаменитого полководца Надир-Шаха. Специалисты по истории Ирана по праву ставят его в один ряд с Курушем и Шахом Аббасом Первым. Во время правления Надир-Шаха Иран полностью избавился от

внешних угроз, внутри страны царило единство и покой. Народ жил с чувством полной безопасности.

Пятый подраздел – «Карим-Хан Занд и сравнительное спокойствие Ирана» – посвящен рассмотрению общественно-политической ситуации во время правления Карим-Хана Занда. После казни Надир-Шаха в течение трех лет во всех уголках Ирана разгорелись междоусобные распри и раздоры. В результате этой нестабильности к власти приходит Карим-Хан Занд из рода Зандов (1760-1779), который сделал г. Шираз столицей своего государства. По свидетельству историков, он был для той эпохи достаточно праведным, справедливым и гуманным шахом, поэтому во время его правления в Иране установилось сравнительное спокойствие. Спустя некоторое время внутренние противники упомянутого шаха в лице Озод-Хана Афганца (владелец Азербайджана) и Мухаммад Хасан-Хана Коджара поочередно подняли восстание против него. В 1758 г., когда между Карим-Ханом и Мухаммад Хасан-Ханом шли ожесточенные войны, на 44-ом году жизни умер Табиб Исфагани.

Второй раздел первой главы, носящей название «Литературная жизнь в эпоху Табиба Исфагани», делится на два подраздела.

Первый подраздел посвящен рассмотрению литературного регресса в Иране XVIII века. Поскольку данный период в истории Ирана с точки зрения политических и общественных отношений был весьма смутным и беспокойным, очевидно, что при такой ситуации ожидать развития литературы не приходится. По-видимому, по причине сравнительной слабости литературы данного времени, исследователи очень мало уделили ей внимания. Даже Ян Рипка считает непродуктивной не только литературу XVIII века, но и всего периода правления Сефевидов: «Литература времен Сефевидов является регрессивной» [5,412].

Во втором подразделе освещаются положительные аспекты литературы эпохи Табиба. Отмечается, что в эту пору жили и творили немало талантливых поэтов, среди них были Сайид Мухаммад Шу'ле, Мир-Сайид Али Муштак, Мухаммад Насир Исфагани, Сайид Ахмад Хатиф Исфагани и др. Их творчество, конечно, нельзя приравнивать к произведениям великих мастеров прошлого. Причина такой относительной посредственности их творчества кроется в фанатичной религиозной политике Сефевидов. Такая политика способствовала бегству из страны многих талантливых поэтов того времени. Сефевидские правители считали себя рабами Али и его семейства, мало внимания уделяли процветанию литературы и искусства. Они принуждали поэтов сочинять восхвалительные стихи, посвященные имамам и членам семьи. Пропагандируя религиозно-шиитские настроения, они стремились упрочить шиитские идеи в обществе. При этом, конечно же, страны Центральной Азии, Афганистан и Индия, которые были суннитскими, не могли участвовать в создании литературы шиитской направленности. Таким образом, персидская литература потеряла свою прежнюю международную сущность. И между соседними странами, говорящими на едином языке (фарси), появилась стена [5,413]. Поэтому многие поэты исследуемого периода, эмигрировали в Индию, а те, кто оставался в Иране,

вынуждены были приспосабливаться к требованиям официальной идеологии. Как бы то ни было, в XVIII веке в Иране продолжал развиваться литературный процесс, и этот период занимает определенное место в истории персидской литературы. В данном периоде развития литературы можно наблюдать бытование таких жанровые форм, как касыда, газель, рубай, месневи, кит'а, тарджи'банд и др. В этой части диссертации рассмотрены прозаические сочинения «Таърихи ахвол» («История положений»), «Тазкират-ал-муосирин» («Антология современников») Хази́на Лохиджи, а из поэтических произведений – месневи «Пиру чавон» (поэма «Старец и молодой») Мирза-Насыра Исфагани и знаменитый тарджеббанд Хотифа Исфагани.

Третий раздел первой главы, который именуется «Период движения возврата в литературу» состоит из двух подразделов. В первом подразделе – «Предпосылки возникновения движения возврата» – предпринимается попытка раскрыть основные причины, которые способствовали возникновению нового стиля стихосложения в Иране XVIII века. Одной из причин развития данного явления, в определенном смысле, является игнорирование индийского стиля иранскими поэтами этого времени. Обладая критическим умом, они, в основном, не приветствовали индийскую манеру, полагая, что сложные символы и образы, вычурность и пышность художественных форм затемняют смысл произведений. Представители данного стиля стремились внести в стихотворения глубокие мысли в сложных формах. Среди таких глубоко мыслящих и чувствующих поэтов были и малообразованные люди, которые унаследовали у крупных представителей данной манеры лишь завуалированные темные слова и неясные обороты, не несущие часто вообще никакого смысла. Находились и такие поэты, которые стремились превзойти друг друга в формальных стихотворных экспериментах. Индийский стиль в то время широко распространился в Индии, Средней Азии и в Афганистане. А поэты Ирана XVIII века, которые творили не выезжая за пределы Ирана, не могли воспринимать таких поэтических пристрастий. Они считали, что необходимо опереться на здоровую традицию старых мастеров персидской поэзии. Вот эта тенденция характеризует весь Иран XVIII века и обозначается термином «возвращение» (*бозгашт*), т.е. упрощение поэзии или же «движение возврата» в литературе. Данное течение в поэзии Ирана особенно заметно проявляется в период правления Надир-Шаха и Карим-Хана Занда, в чем активно участвовал Табиб Исфагани.

В диссертации приводится множество высказываний ученых по этому поводу. Например, чешский востоковед И.Бечка пишет: «Индийский стиль затуманивает смысл стихотворения и приводит к неясности изображения» [1,20]. Здесь нами оговорено и то, что некоторые крупные представители индийского стиля, такие как Бедил, Сонб, Калим и др., в своих стихотворениях в этом стиле достигли самых высоких вершин мастерства, а из числа их подражателей многие застряли в паутине запутанных слов. Для подтверждения данного суждения в диссертации приводятся мнения З.Сафо, П.Н.Хонлари, С.Шамисо и др. Представители движения возврата всячески старались возродить хорасанский и иракский стиль. Для этой цели в Исфа-

гане под руководством Сайид Али Муштака был создан литературный кружок «*Анджуман-и Муштак*». В связи с этим следует подчеркнуть и то, что для формирования движения возврата в обществе тогдашнего Ирана сложились социальные предпосылки. Поэтому подобное явление наблюдается не только в Исфагане, но и во всем Иране того времени.

Иные видят в развитии литературного движения возврата в Иране проявление разграничения персоязычных стран, основной разделительный фактор между всеми поэтами персоязычного мира. Однако в процессе изучения данной проблемы мы пришли к заключению, что рассматриваемый стиль в иранской литературе появился как положительное и естественное явление, соотносимое с духовными чаяниями и потребностями творческой интеллигенции Ирана того времени. Такие поэты, как Муштак, Таиб, Хотиф, Сабохи и др., стремились возродить классический стиль и тем самым освободить поэзию из лабиринта сложной аллегоричности и сухого формализма. А разделение персоязычных поэтов как бы на два противоположных стилевых направления (индийский и стиль поэзии возврата) следует рассматривать как последствие политического и религиозно-мировоззренческого размежевания региона, который начался еще с XVI века.

Во втором подразделе третьего раздела первой главы, именуемом «Ограниченности движения возврата в официальных границах Ирана», анализируются причины относительно замкнутости этого стиля в рамках только официальной границы Ирана. Работа в этом направлении приводит нас к выводу, что основная причина – это разделение мусульманских государств Востока по признаку религиозных сект и разрыв отношений Ирана с остальным суннитским персоязычным миром. По этому доминирующему фактору, по сравнению с персоязычной литературой Индии, Мавераннахра и Афганистана того времени, развитие литературы в Иране несколько отличается. Тем не менее, естественный ход развития таджикской литературы в Средней Азии показывает правильность выбранного пути поэтами XVIII века Ирана. Ибо в более позднее время, вернее во второй половине XIX века, в таджикской литературе тоже возникает простой стиль, и это мы можем наблюдать на примерах творчества Шохина, Хайрата, Мирзо Сираджа и др.

Вторая глава работы, названная «Жизнь и общественная деятельность Табиба Исфагани», состоит из трех разделов. Первый раздел – «Родословия Табиба Исфагани» посвящен исследованию генеалогического древа поэта. Проведенная нами работа показывает, что родословия Табиба Исфагани начинается с XVI века в числе его предков более 40 были врачами, философами, поэтами, политическими и общественными деятелями, которые вносили свою посильную лепту в развитие страны. Самой знаменитой личностью этого древнего рода был Салман Джахрами. Он жил в г. Джахrame Ширазской области Ирана. В начале XVII века Шах Аббас Сефевид Первый (период правл. 1583-1625) пригласил его к себе в Исфаган и назначил на должность «*шакимбаши*» (главный врач двора). Таким образом, представители этого рода вплоть до правления Карим -Хана Занда (в теч. 170 лет) получали в наследство должность личного врача шаха и главного лекаря двора. Родство Табиба доходит до Салмана Джахрами следующим образом:

Мирза-Абдулбаки, сын Мирза-Мухаммадрахима, сын Мирза-Мухаммадбакира, сын Мирза-Мухаммадсадыка, сын Мухаммадриза, сын Мирза-Мухаммада, сын Мирза-Салмана Джахрами. Фамилия Табиба Исфагани через Салмана Джахрами доходит до Имама Муса Казима, сына Имама Джа-дара Садыка. В диссертации приводится информация о тех представителях данного рода, которые занимались и стихотворством. Итак, отец поэта – Мирза-Мухаммадрахим был главным лекарем последнего шаха династии Сефевидов Султан – Хусейна Сефевиды. Он был не только одним из приближенных шаха, но и в числе его главных советников. Поэтому, когда Махмуд Афганец в Исфагане сверг Султан-Хусейна, он наряду с бывшими государственными персонами отдал приказ казнить и его. Бедил Ширази – двоюродный брат Табиба – при дворе занимал пост врача и кроме того был известным поэтом. В 1843 он умер в Куме. Баки Исфагани – внук Табиба – обладал поэтическим даром и в чиновничьей карьере поднялся до поста градоначальника Исфагана. Умер в 1823 г. в Кирманшахе.

Нишат Исфагани был внуком брата Табиби. Имел прозвище Му'тамадуддава (достойный доверия государя) и в правительстве Фаталишаха Каджара занимал важный пост, к тому же был поэтом, сочинявшим стихи под псевдонимом Нишат. Он сочинял стихи, подражая Хафизу, и пользовался огромным авторитетом.

Манзар Исфагани – тоже внук Табиба – был уважаемым, высокообразованным человеком, работал в государственной канцелярии и писал хорошие стихи.

В диссертации скрупулезно собраны материалы и о других лицах из рода Табиба. Наши поиски показывают, что все прошлые представители рода Табиба занимали почетные места в обществе. Нам удалось определить одного из последних представителей рода Табиба Са'ид-Хусайна Басира – врача-фармацевта. Он умер 1939 г. в Исфагане.

Второй раздел второй главы – «Биография Табиба Исфагани» делится на пять подразделов. Первый подраздел посвящен жизнеописанию поэта до его юношества. Следует отметить, что восстановлением научной биографии Табиба до нас никто не занимался. Лишь некоторые исследователи, такие как К.Саме'и, И.Шахруди, З.Сафо, А.Бехдор-ванд, упоминают, что поэт родился в 1127/1714 г., ссылаясь на сообщение Вола Дагестани. Вола в Индии встречался с Табибом и дату его рождения узнал непосредственно от самого поэта. Данную дату подтверждает и С.Махдави в своей работе «Ученые и великие люди Исфагана», изданной в 2006 году. Этот автор в другой своей ранней опубликованной работе (1992 г.) отмечал другую дату – 1117/1704 год. Конечно же, это явное недоразумение, ибо ни в одном первоисточнике такая дата не указана. С.Махдави, поняв свою ошибку, спустя 14 лет во время издания вышеупомянутой книги исправил ее.

Полное имя поэта мы установили как Мирза-Абдулбаки ибн Мирза-Мухаммадрахим Табиб Исфагани. Здесь «Мирза» - родословный титул, «Абдулбаки» - собственное имя поэта. «Мухаммадрахим» - имя его отца, «Табиб» - поэтическое прозвище, взятое в соответствии с его профессией, то

есть врача, а «Исфгани» - является нисбой т.е. указывающей на родину поэта.

Отец поэта работал в центральном государственном аппарате Султан-Хусайна Сефевиды, личным его лекарем и главным врачом двора. В 1723 г. Махмуд Афганец, свергнув упомянутого шаха, наряду с его приближенными казнил и его. Известно и то, что мальчик не получил ничего в наследство, ибо его отец отдал все свое состояние Махмуду Афганцу, чтобы остаться в живых. Однако последний, хотя и получил огромную сумму (20 тысяч туманов), не пощадил его. Таким образом, Абдулбаки в возрасте 9-10 лет лишился отца. В скором времени умерла и мать поэта. О своей сиротской судьбе сам поэт сообщает в одном из стихотворений:

*Манам, ки рӯзи азал аз ман осмону замин
Муҳаббати падарӣ, меҳри модарӣ бардоишт [7,95].*
(Это я, которого в детстве земля и небо
Лишили отцовской любви и материнской ласки)¹

Об отрочестве и юношестве Табиба Исфгани все источники умалчивают. Можно лишь предположить, что будущий врач и поэт воспитывался у родственников. Поскольку он был выходцем из знатного, аристократического рода, то имел возможность получить хорошее образование. Нельзя не отметить и то, что Надир-Шах Афшар с детства знал отца поэта и о его трагической гибели. Поэтому еще до своего прихода к власти уделял внимание воспитанию оставшегося сиротой Абдулбаки. Как бы там ни было, Абдулбаки шел по стопам своего отца и изучал медицину. Очевидно, что свою карьеру он начал именно со двора Надир Шаха. Вероятнее всего в начале своей службы при дворе был помощником врачей и получал небольшое жалование. Среди его стихотворений есть строки, по содержанию которых можно судить, что некоторое время он жил в долг. Поэт просит у кредитора, чтобы он простил ему эти долги или же подождал до получения следующего жалования:

*Замони пеш, ки дастӣ талаб ба вом гирифт,
Ба ранги гунча зи боги сахо-т муште зар...
Агар талаб нанамой зи ман, чӣ беҳтар аз он,
В-агар на, сабр кунӣ то мавоҷиби дигар [7,171].*
(Недавно я брал деньги взаймы,
Подобию бутона, взявшего в саду горсть тычинок...
Если ты простишь мне эти долги, буду рад.
А если нет, то жди до следующего жалования).

Отсюда можно сделать вывод, что на первых порах поэт жил в нужде или же по молодости тратил деньги в свое удовольствие. Можно предполагать и то, что его кредитор был состоятельным человеком из высшего об-

¹ Стихи приводятся в дословном переводе автора диссертации.

щества и мог позволить себе прощать долги. Из вышеприведенных строк явствует, что поэт в молодые годы жил только на свое жалование.

В ту пору жизнь Табиба проходила в беспокойной политической и социальной обстановке. Чиновники, окружавшие шаха, были малограмотными и недалекими людьми, поэтому Табиб жалуется:

*Ҳар тараф менигарам, беҳабаронанд, Табиб,
Беҳ, ки аз маҳфили ин беҳабарон бархезам [7,128].*
(Куда бы ни глядел, вижу несведущих, Табиб,
Лучше мне встать и уйти из их окружения).

Когда Табиб женился и сколько имел детей, нам неизвестно. Ясно одно: он был женат и имел потомство.

Второй подраздел настоящего раздела назван «Путешествия Табиба Исфагани», и здесь речь идет о странствованиях поэта. Дело в том, что Табиб уже в зрелом возрасте, занимая должность личного врача Надир-Шаха, участвовал в его военном походе на Индию. Об этом сообщает Мухаммад Сабо в своей тазкире «Рузи равшан». Кроме того, Вола Дагистани пишет, что лично видел Табиба в Индии с Надир-Шахом и в течение 58 дней был вместе с ним. Это случилось в 1739 году. По прибытии в Иран Табиб определенно ездил в Ирак и посетил гробницу Али в Наджафе. Этому событию он посвятил специальную касыду, где говорит:

*Дарғаҳатро, ки ҳаст ғайрати Тур,
Инак-инак расидам аз раҳи дур.
Шукри Эзид, ки ғашт чашму дилам
Худ аз ин файз раиқи чашмаи Нур [7,53].*
(К порогу твоему, который ест пыль Тура,
Тихо-тихо дошел из далекого пути...
Слава Аллаху, что мои глаза и сердце,
Вызывают ревность у родника Нура).

Вероятно, данное путешествие поэт совершил вместе с Надир-Шахом во время его похода на Ирак в 1733 году. О других путешествиях Табиба в источниках ничего не сообщается. Можно лишь предполагать, что он побывал во многих, хотя бы соседних, государствах. Ибо как личный врач шаха Ирана он должен был сопровождать его в дальних поездках. Об этом можно догадываться по содержанию некоторых стихотворений поэта. Например, в следующих строках он выражает свою тоску по Исфагану и Зояндаруду:

*Аён шуд Зиндарӯде ҳар тараф аз чашми гирёнам,
Табиб, афтодаӣ дигар ба фикри Исфаҳон имшав [7,86].*
(Течет Зиндаруд из моих плачущих глаз,
Табиб, ты этой ночью задумчиво вспоминаешь Исфаган)

В другом месте он пишет:

*Набувад, Табиб, дигар сару барги назму шеърар,
Ки чудо зи ҳамзабонон набувад маро димоге* [7,145].
(О Табиб, нет у тебя больше возможности писать стихи,
Ибо в разлуке с земляками не приходит вдохновение).

Третий подраздел второго раздела данной главы, названный «Табиб на посту главного врача двора Надир-Шаха», посвящен жизни поэта в качестве врача при дворе Назир-Шаха. В жизни и деятельности Табиба самым бесспорным и очевидным фактом является то, что он в период правления Надир Шаха и затем Карим-Хана Занда занимал высокую должность главного врача двора. Бесспорным доказательством тому является его поэтический псевдоним «Табиб», т.е. врач. Кроме того, по разному поводу он говорит о своей профессиональной деятельности. Например:

*Муфаррахе, ки пайи хастагон кунам таркиб,
Бурун барад зи мизоҷи насим беморӣ* [7,69].
(Лекарство, которое я готовлю для больных,
Выводит все недуги у натуры эфифа).

* * *

*Аз Табиби хаста гар аҳвол нурсандат бигӯ,
Идамаш дар бистари гам нотаваон афтодааст* [7,90].
(О Табибе измученном, если спросят, отвечай:
Видел, лежит в постели, скорбью обессильный).

* * *

*Оини вафо кори табиб аст, ки бошад,
Ҷро гами ёрону касеро гами ӯ нест* [7,96]
(Основное правило Табиба – это верность,
Он думает о друзьях, а о нем никто не думает).

Видимо, Табиб Исфгани пользовался среди врачей и лекарей того времени большим авторитетом как высококлассный специалист по врачеванию. Из исторических сочинений XVIII века выясняется, что врачебное занятие в эпоху Табиба Исфгани было весьма престижной и высокооплачиваемой профессией. В те времена в Иране существовали десятки центров по подготовке врачей, поэтому целителей хватало. Но среди них Табиб Исфгани был самым искусным и знающим врачом, иначе он не смог бы стать личным врачом шаха и главным врачом двора. Кроме своих непосредственных врачебных обязанностей Табиб еще исполнял роль государственного советника.

В диссертации приведено множество высказываний европейских историков, врачей, дипломатов того времени по поводу их отношений с Надир-Шахом, которые так или иначе содержат сведения, касающиеся Табиба Исфгани.

В четвертом подразделе второго раздела этой главы, названном «Табиб в должности главы Исфагана», речь идет о том, что после смерти Надир-Шаха и прихода к власти Карим-Хана Занда поэт продолжал оставаться на своей прежней должности. А через некоторое время он получает пост градоначальника Исфагана. Почему так произошло? По всей вероятности, Табиб просил у Карима-Хана принять его отставку как главного врача двора, чтобы вернуться на родину. Поскольку этот шах был более мудрым, прозорливым и справедливым, можно предположить, что он отпустил поэта в его родной Исфаган, но одновременно назначив его на пост главы этого города. Данное положение дел говорит о том, что Карим-Хан в достаточной степени доверял Табибу и считался с его способностями. Иначе Табиб никак не смог бы стать первым лицом такого большого и влиятельного города, как Исфаган. Факт назначения Табиба градоначальником Исфагана свидетельствует о том, что Табиб имел огромный авторитет и уважение среди населения этого города. Многие историки исследуемого нами периода считают, что если шах назначает того или иного человека главой города, но он не имеет поддержки среди народа, то не сможет долго удержаться во власти. Следует отметить, что в то время, данный пост был наследуемым. Однако Табиб, как было отмечено выше, эту должность получил не в наследство, а от шаха, и в последующем этот чин наследовали его потомки. Но Табиб на этом высоком посту оставался недолго, он добровольно покинул должность и отдал ее своему младшему брату Мирза-Абдулваххабу, а сам уединился от людей. Сведения об этом можно почерпнуть из некоторых строк его стихотворений:

*Дар пеши мо, ки бесару сомони олаем.
Дарди саре ба миннаши афсар намерасад [7,105].*
(Таким людям, как мы, безалаберным,
Не следует доверять чиновничье дело).

* * *

*Он беҳ, ки ҳеҷ кас наашиносад туро, Табиб,
Беҳуда ранҷ аз пайи ному нишон макаш [7,122].*
(Лучше всего, чтоб никто не узнавал тебя, Табиб,
Напрасно не угнетай себя ради репутации).

Его преемник Мирза-Абдулваххаб был весьма достойным, сведущим и талантливым человеком. Он полностью оправдал доверие Табиба и правил городом справедливо и довольно успешно.

В последнем подразделе второго раздела данной главы приводятся результаты наших изысканий по уточнению даты смерти Табиба и местонахождения его гробницы. В определении времени кончины поэта среди ученых нет единого мнения. Р.Хидоят, А.Гурджи, А.Деххудо, А.Хотами, И.Юсуф, А.Хакикат отмечают дату 1168/1755 г. В иранской энциклопедии, изданной в 1356/1978 году, называется дата 1168/1755. На наш взгляд, поэт скончался в 1171/1758 году в 44-летнем возрасте. Автор реферируемой диссертации дважды побывал в Исфагане, где обнаружил могилу Табиба на

кладбище «Тахти фулод». Согласно старой надгробной надписи и хронограмме Сахбо, по счету абджада, датой смерти выходит 1171, т.е. 1758 год.

Третья глава диссертации – «Жанровые формы, содержание и художественные особенности поэзии Табиба» – состоит из пяти разделов.

В первом разделе данной главы рассматривается жанровая структура дивана Табиба. Итак, его диван состоит из 12 касыд, 2 месневи, 164 газелей, 2 кит'а, 29 рубайи и 17 отдельных бейтов. Такое жанровое многообразие наследия поэта показывает его с точки зрения профессионализма достаточно сформировавшимся стихотворцем, обладающим определенными поэтическими навыками и вкусом. Для Табиба занятие поэзией не являлось источником дохода и пропитания. Он создавал стихи как творческая личность, испытывающая любовь к прекрасному и желание излить душу.

Хотя в творчестве Табиба касыда не занимает основное место, все-таки в создании ее поэт демонстрирует определенное мастерство. Его касыды достаточно объемные – от 41 до 150 бейтов. Первая и одиннадцатая касыда, в порядке их расположения, в его диване имеют обновленные *матла'*. В композиционном плане все касыды являются полными. Только последняя касыда осталась незавершенной. Касыды Табиба имеют традиционный *тагиззул*, посвященный воспеванию весны, вина и любви. Привлекает внимание и то, что у него нет панегирических касыд. Они в основном передают религиозно-шиитские настроения. Доминирующая тема поэта – это восхваление пророка Али. Кроме того, встречаются философские раздумья о жизни, ее беспечности и порой морально-этическая тематика.

В поэтическом наследии Табиба имеются два месневи. Первый «Предание о Султан-Махмуде и его рабе» (83 бейта) и второй «Саки-наме» (20 бейтов). Первый поэтический рассказ написан на старый традиционный суфийский лад. Суть рассказа состоит в поисках истинной цели жизни. А «Саки-наме» поэта, невзирая на традиционные мотивы, имеет прямой назидательный характер.

В творчестве Табиба основное место занимает газель. Газелей насчитывается 164, которые охватывают в целом 1081 бейт. Каждая газель поэта в среднем состоит от 5 до 7, а в отдельных случаях до 9 бейтов. Псевдоним поэта во всех его газелях помещен в последнем бейте. Большинство газелей имеют рефрен. Иначе говоря, все газели Табиба полностью отвечают требованиям этой прекрасной лирической формы и являются совершенными. Примечателен простой слог газелей.

Рубайи поэта в тематическом плане созвучны с его газелями. В них прослеживаются мотивы любви, сетования на жизнь, дидактика и назидание.

Отдельные бейты поэта по своей форме все рифмованные, они содержат в себе интересные, редкие поэтические находки. Например:

*Нагуфтам гунчай дил ҳаргизам хандон нахоҳад шуд,
Гуле, к-афсурд, азар хандон шавад, чандон нахоҳад шуд* [7,167].
(Я же говорил, бутон моего сердца не расцветет,
Испорченная роза, если даже расцветет, не живет долго).

Поэт имеет две кит'а. Одна состоит из трех бейтов, другая – из 11 бейтов, и они отражают печальное настроение поэта.

Таким образом, объем последнего тегеранского издания дивана Табиба в оформлении Муджтабо Барзободи, который является самым совершенным, составляет 1944 бейта.

Второй раздел третьей главы – «Мировоззрение Табиба Исфагани» посвящен воссозданию личностных качеств поэта, осмыслению его нравственной позиции и вероисповедания. Табиб искренне исповедовал ислам шиитского толка. Был человеком гордым и имел чувство собственного достоинства. Он сохранял свою духовную свободу до конца жизни. Поскольку он работал при дворах правителей Ирана, поэт был весьма осторожен в поступках и избегал дворцовых интриг, ибо имел в прошлом поучительный семейный опыт. Сам он говорит так:

*Сӯҳбати абиои дунё нур муқаддар ғаштааст,
Вақти он қас ҳуш, ки қунҷи узлате қард ихтиёр.
Гӯшагирон аз ҳаводис дар ҳисори роҳатанд,
Аз хатар эмин шавад киштӣ, ки ояд бар қанор [7,51].*
(Беседы людей всего мира опечалили тебя,
У того хорошее настроение, кто уединился.
Затворники находятся в крепости покоя,
Если корабль причаливает, сохраняет себя).

Поэт опирался на традиционную теософию и единобожие. Излагал своё миропонимание, связывая его с любовной тематикой. Поэтому любовное стремление к соприкосновению с истиной сущности обретает реальное воплощение. Он говорит:

*Аз ҳаҷри бути ягонаи мо
Хун мечакад аз таронаи мо... [7:83].*
(В разлуке нашего кумира единого,
Капает кровь из песни нашей...).

В общих чертах Табиб в раздумье о вселенной находится в позиции агностицизма. По его мнению, суть мирских событий и их последствий ведома только Всевышнему. Задача человека – постичь и почувствовать величие этой единой истины.

Третий раздел данной главы, названный «Стиль поэзии Табиба Исфагани», посвящен вопросам преемственности стиля стихосложения Табиба и его новаторских достижений. Как нами отмечено ранее, Табиб Исфагани был одним из активных борцов движения возврата в литературе своего времени. Большую роль в его деятельности сыграли встречи с Мир-Сайидом Али Муштаком. Они оба организовали в Исфагане «Литературный кружок Муштака». В это время в литературе торжествовал индийский стиль, который имел своих подражателей и в Иране. Поэтому, как считает К. Саме'и, «творческий стиль Сефевидского времени нуждался в преобра-

зовании, чтобы выйти из этой тупиковой ситуации» [6,31]. И тогда в XVIII веке усилиями ряда замечательных поэтов, получивших образование в Исфагане, Ширазе и Кошане, был создан вышеуказанный кружок. Члены данного кружка сыграли важную роль в возрождении классического стиля времен Саади и Хафиза. Одним из старейших и активных членов этого движения был Табиб Исфагани. Его стиль стихосложения по сравнению с индийским стилем был более ровным, понятным, конкретным, чувственным и искренним. Можно заключить, что Табиб был поэтом-интеллектуалом. В своих стихотворениях он отражал социальные и бытовые проблемы жизни народа более простым и понятным языком. Используемые им художественные эпитеты, сравнения, гиперболы, аллегории, реминисценции наполняют нам арсенал художественных средств изображения поэтов иракского стиля. Соратниками Табиба в движении возврата были такие поэты, как Сайид-Мухаммад Шу'ла, Мирза-Мухаммад Насир, Мир-Сайид Али Муштак, Лутфалибек Озар, Сахбо, Хотиф, Сабохи, Надим и многие другие. Всем им, как и Табибу, импонировал поэтический стиль Саади и Хафиза. В качестве примера можно привести следующий отрывок газели Табиба:

*Дорам ба чаман чӣ кор бе ту,
Нашносам гул зи хор бе ту.
Фарёд, ки хуш фуру гирифта,
Моро гами рӯзгор бе ту.
Яъне, сифати қаҳони равшан
Дар чашми ман аст тор бе ту [7,142].*
(Что мне делать в лужайке без тебя,
Не могу различить розу от шипа без тебя.
Как хорошо, что охватили меня
Жизненные тревоги и тяготы без тебя
Все прелести и светлости мира
Передо мною тускнеют без тебя...).

Простота и ясность слога Табиба красноречиво свидетельствуют, что ему были чужды изысканная церемонность, показная искусственность и вычурность. Он не думает о виртуозности и высоком слоге, описывая свои чувства естественно и выразительно.

Четвертый раздел третьей главы диссертации, названный «Содержание поэзии Табиба», состоит из четырех подразделов и охватывает разные аспекты темы.

В первом подразделе – «Творческое самосознание» – рассматривается отношение поэта к собственной поэзии и поэтическому искусству, выраженное в части *фахр* (самовосхваление) некоторых его касыд и газелей. По нашим наблюдениям, мотивы самовосхваления в поэзии Табиба редко выступают в качестве самостоятельной тематической группы. Однако по их содержанию можно заключить, что Табиб сумел подчинить материальную сторону своей недолгой жизни творческому процессу. Видимо, Табиб, как истинный ищущий поэт, тратит много сил в поисках философии творчест-

ва. В своих стихах он выступает убежденным сторонником единства формы и содержания художественного произведения. С этой позиции он смотрит на собственные творения, нередко затрагивая вопросы значения поэтического мастерства, чистоты выражений, тонкости поэтического вкуса, созвучности газелей и т.п. Иначе говоря, изучение мотивов самовосхваления его лирики убеждает нас в том, что поэт дает оценку собственному творчеству, отмечает индивидуальные особенности собственного поэтического стиля, выражает свою художественную концепцию, высоко оценивая место поэзии и поэта в духовном воспитании общества.

Во втором подразделе четвертого раздела данной главы – «Описание и восхваление» – в основном исследованы касыды Табиба, которые носят религиозно-философский характер и восхваляют Аллаха (*хамд*), прославляют Пророка и шиитских имамов (*на"т*). Все эти касыды написаны по собственному желанию и несут печать вдохновения поэта. С точки зрения поэтической манеры, его касыды напоминают нам подобные касыды поэтов XIII–XIV веков. Касыды Табиба состоят из двух частей – *насиб* и *мадх*. Первая часть касыды обычно посвящена воспеванию весны, ее прекрасных атрибутов и имеет описательный характер (*васф*), а вторая часть – восхвалению всевышнего Аллаха, чествованию Пророка и больше всего прославлению Али. Примечательно то, что в описаниях и восхвалениях поэта, преобладает радостная интонация. Это говорит об искренности поэта в своих описаниях. Табиб, как вдумчивый поэт, не забывает реалии жизни и напоминает читателю о неразлучности радости и печали. Основная особенность описания поэта – это тонкий лиризм и торжественный тон. А в части восхваления прослеживаются яркие героические ракурсы. В описаниях и восхвалениях поэт мастерски связывает свое состояние с объектами описания и восхваления и таким образом придает содержанию стиха реалистичность и событийность.

В третьем подразделе данного раздела третьей главы анализируется своеобразие выражения мотивов переживания и печали в поэзии Табиба. В творческом наследии поэта в содержательном плане особое место занимают мотивы горести и печали. Причину такого положения Муджтабо Барзабади видит в той катастрофической трагедии, которую пережил поэт в детстве [6,12]. Барзабади имеет ввиду нашествие Махмуда Афганца в Исфаган, следствием чего стала гибель отца поэта и его родственников. По нашему мнению, не только указанное событие стало причиной доминирования чувства печали и скорби в творчестве Табиба. Это связано в основном с религиозными настроениями и душевным состоянием поэта. Как тонкий наблюдатель и исследователь человеческой жизни, он очень вдумчиво, с религиозным убеждением и миропониманием реагировал на все события. Поэтому для него печаль является блаженством, и она придает ему внутреннее успокоение. Сам он говорит:

*Ҳошо, ки кашам баҳри тараб соғари ҷамро,
Аз ғам ҷӣ шиқоят мани хўкарда ба ғамро.
Ҳайҳот, к-аз айёми ҳаёташ бишуморам,
Рӯзе, ки наёбам ба дил осеби аламро [7,41].*

(Да, поднимая я бокал печали для веселья,
Зачем мне сетовать на печаль, когда привязался к ней.
Горе мне, когда считаю свой жизнью
День такой, где нет тоски в сердце моем...).

После внимательного прочтения стихов Табиба читатель поймет, что он сталкивается с мудрым, ученым и вместе с тем весьма проникательным поэтом, приверженцем духовных идеалов. Вот такое состояние сберегает поэта, но придает ему чувство неудовлетворенности на пути познания бесконечных духовно-нравственных ценностей. Отсюда поэт не хочет, чтобы его покинула печаль и говорит:

*То набошам дар шумори бегамони рӯзгор,
Эй ҷигар, оҳе бикаш, эй ҷашми тар обе бибор [7,51].*
(Для того, чтоб не был в числе беззаботных людей,
О душа, горькой, о глаза мои, поплачьте...).

Печальное состояние поэта не связано с суфийским мистицизмом и вызывает у читателя чувство сострадания. Из этой позиции Табиба можно считать самым печальным и страдающим поэтом в истории литературы на фарси.

В четвертом подразделе анализируются стихи Табиба, посвященные другим темам. Центральной темой газельной лирики Табиба следует признать любовь. Табиб видит в красоте вообще и в человеческой красоте в особенности божественное начало. Поэтому поэт осуждает безобразное, воспеваает прелести возлюбленной. Данная тема рассматривается как одна из важнейших сторон идейного содержания газелей Табиба. Лирический герой в газелях Табиба постоянен и искренен в своей любви, он готов перенести все невзгоды и трудности, чтобы достичь своей недостижимой цели. Настроение лирического героя газелей Табиба изменчиво. Оно зависит от происходящих глубинных душевных процессов, мыслительных актов, связанных с мировоззренческой доктриной поэта. В большинстве случаев этот влюбленный подавлен, несчастлив, живет в такой обстановке, где не от кого ждать помощи и сочувствия. В таких случаях слышны пессимистические нотки. Такое явление можно связать с тяжелыми социальными потрясениями, которые испытал поэт. Мы наблюдаем и то, что Табиб тесно связывает мотивы любви с нравственной тематикой. Вчитываясь в его лирику, в которой ярко проявляются все оттенки состояния влюбленного, со всей очевидностью можно представить, каким богатым духовным миром обладал поэт. В диссертации приводятся многочисленные примеры из газелей Табиба и анализируются с точки зрения преобладающих мотивов и их своеобразия. Опираясь на фактический материал, можно констатировать, что «любовь» Табиба есть глубоко осознанная эстетическая категория красоты. В диссертации рассмотрены и другие косвенные темы газельной лирики поэта, такие как сетование на жизнь, назидания, проявления мистицизма и т.д.

Третий раздел третьей главы «Язык и художественные особенности поэзии Табиба» делится на два подраздела.

В первом подразделе исследованы стихи поэта с точки зрения использования рифмы и рефрена. Проведенный анализ показывает, что все рифмы газелей поэта красивы, звучны и гармоничны. Впечатление от чтения газелей Табиба такое, будто при их написании он совершенно не прилагал никакого усилия и труда для подбора рифм. Все они, как и другие элементы его стихов, естественны, просты, изящны и приятны. Изучение рифмы всех газелей поэта показывает, что большинство из них составляют рифмы *мукайяди муджаррад* и *мутлаки муджаррад*.

В общей сложности 130 газелей Табиба (из 164) имеют рефрен. В своих стихах поэт использовал простые рефрены, состоящие из одного слова, а из сложных он больше использовал рефрены, состоящие из двух слов. Длинные рефрены отсутствуют. Чаще всего встречаются глагольные рефрены. Следует заметить, что рефрены в стихах Табиба не только имеют формальную функцию, но несут и идейную нагрузку, ибо они подчеркивают смысл стиха.

Второй подраздел данного раздела посвящен рассмотрению языковых особенностей и художественности поэтической речи поэта. Наши наблюдения лишний раз показывают, что язык Табиба весьма простой и вместе с тем изящный, совершенный и благозвучный. При создании стихотворений он никогда не занимался стилизацией своей речи. Он пишет стихи непринужденно, но красочно. В художественной речи поэта ключевыми являются такие слова, которые так или иначе связаны с понятием «гам», т.е. печаль. Приводим несколько из них: «*кишкоят аз гам*», «*домани гам*», «*мачлиси гам*», «*ёрони гамомом*», «*чораи гам*», «*зонуи гам*», «*завқи гам*», «*шарбати гам*», «*шахбози гам*», «*роҳи гам*», «*гами ҳичрон*» и др. Эти словосочетания раскрывают печальное состояние души и внутренние переживания поэта. А такие словосочетания, как «*тани нотавон*», «*дармондағӣ*», «*дарди гадон*», «*завқи алам*», «*фалаки дунпарвар*» и т.п. выражают крик души Табиба. Поэт даже создает новые образные выражения: «*нози соқӣ*» (капризы кравчего), «*ҳалқаи хубон*» (общество красавиц), «*нози нигоҳ*» (прихоть взгляда), «*асари оҳ*» (влияние вопля) и т.п. Из поэтических фигур привлекает внимание частое употребление эпитета, сравнения, аллегории, антитезы, реминисценции, гиперболы и др. В следующих строках видно, как прекрасны и чувственны приводимые поэтом сравнения:

*Дилтангаму парвози гулистон ҳавасам нест,
Гулзор ба осоиши кунҷи қафасам нест.
Мегирияму чун шамъ умеде зи касам нест,
Меноламу монанди чарас додрасам нест* [7,93].
(Скучно мне, но нет желания полета в цветник,
Предпочитаю угол клетки, чем покой в цветнике.
Плачу подобно свече, но мне не на кого надеяться,
Стону как колокол, однако нет спасителя).

В приведенном отрывке поэт раскрывает свое печальное состояние, сравнивает жгучий плач свой с горением свечи, а стон со звоном колокола. И такая художественная речь поражает воображение любого читателя. Следует отметить, что все смысловые фигуры в стихотворениях поэта созданы в рамках нормативной поэтики.

В заключении излагаются основные выводы проделанной работы. В частности, высказывается мысль, что Табиб Исфагани, являясь основоположником движения возврата в литературе Ирана XVIII века, проявил себя как один из наиболее талантливых и ярких представителей данного литературного направления. Его творчество, как в отношении художественной формы, так и содержания, является новым этапом эволюции поэзии в истории персидской литературы, о чем свидетельствует и то, что он оказал влияние на многих современных и последующих поэтов.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бечка, Иржи. Адабиёти форсӣ дар Тоҷикистон / Тарҷуман Маҳмуди Ибодӣён, Саид Абонажоди Ҳичрондӯст. –Техрон: Маркази мутолиот ва таҳқиқоти байналмилалӣ, 1372 ҳ.ш. –280 с.
2. Лангаруди, Шамс. Мактаби бозгашт. Чопи дуюм. –Техрон: Марказ, 1375 ҳ.ш. – 298 с.
3. Локхарт, Лауренс. Инқирози силсилаи Сафавия / Тарҷуман Исмоили Давлатшоҳӣ. –Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва наشرӣ китоб, 1965. – 678 с.
4. Минорский В. Таърихчаи Нодиршоҳ / Тарҷуман Рашиди Ёсамӣ. –Техрон: Интишороти китобхон симург, 1363 ҳ.ш. – 135 с.
5. Рипка, Ян. Таърихи адабиёти Эрон / Тарҷуман Исо Шаҳобӣ. –Техрон: Ширкати интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1381 ҳ.ш. – 575 с.
6. Самсӣ, Кайвон. Рисолае дар шарҳи ҳоли Табиби Исфаҳонӣ. Ба тасҳеҳ ва нигориши Хусайни Мазлуми Кайфар. –Техрон, 1347 ҳ.ш. – 295 с.
7. Табиби Исфаҳонӣ. Девон. Бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Мучта-бо Бурзободии Фароҳонӣ. –Техрон: Саной, 1376 ҳ.ш. – 295 с.
8. Ҳанвей, Чонс. Зиндагонии Нодиршоҳ / Тарҷуман Исмоили Давлатшоҳӣ. –Техрон: Ширкати интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1383 ҳ.ш. – 350 с.
9. Шамисо, Сирус. Сабкшиносии шеър. Чопи нӯҳум. –Техрон: Фирдавс, 1382 ҳ.ш. – 430 с.
10. Шаъбонӣ, Ризо. Таърихи иҷтимоии Эрон дар асри Афшорӣ. -Қ.1. -Чопи дуюм. –Техрон: Поё, 1369 ҳ.ш. – 549 с.

**ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ
СЛЕДУЮЩИЕ СТАТЬИ:**

1. Великий незнакомый поэт (о Табибе Исфагани) // Известия АН Республики Таджикистан. Отд. общественных наук. – Душанбе: Знание, 2009. – №3. – С.125-132 (на тадж.яз.).
2. Некоторые соображения о поэзии Табиба Исфагани // Вестник Таджикского национального университета. Серия: Филология. – Душанбе: Сино, 2009. – №8. – С.249-256 (на тадж.яз.).
3. Табиб Исфагани и движение возврата в литературе Ирана // Известия АН Республики Таджикистан. Отд. общественных наук. – Душанбе: Знание, 2011. – № 1. – С.135-140 (на тадж.яз.).
4. Жизнь и творческая деятельность Мирза-Абдулбаки Табиба Исфагани. Спец.выпуск сб. ст. по перс.лит. – Мешхед: Сухангустар, 1384 х. – №7-8. – С.68-91 (на перс.яз.).

Сдано в печать 02.08.2011. Подписано в печать 03.08.2011.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60х84¹/₁₆.
Объем 2 п.л. Тираж 100 экз.

ООО «Шуджонён»
г. Душанбе ул. «Дружбы народов», 47

102